

Ли Чжао провожал улыбкой Пан Яна и другого гостя, когда внезапно услышал слова, от которых его сердце ёкнуло: "Что-то случилось? Фугуй, только не говори плохих предзнаменований."

"Ваше Высочество! Это господин Мин!" — Фугуй быстро подошёл, тяжело дыша, и в его голосе слышалась тревога. "Из дома Мина только что просочились слухи... Говорят, что господин Мин внезапно заболел, болезнь развивается стремительно, и сейчас вход во дворец закрыт для всех посетителей!"

Сердце Ли Чжао сжалось, словно невидимая рука стиснула его, и всё тепло мгновенно исчезло. Однако на лице он сохранял спокойствие, хотя его голос стал немного холоднее: "Это невозможно. Всего пару дней назад всё было в порядке, как могла внезапно начаться острая болезнь?"

"Да, я тоже чувствую, что это странно!" — поспешно добавил Фугуй. "Ваше Высочество, не волнуйтесь, возможно, слуги получили неверную информацию, и слухи передаются неточно..."

Но Ли Чжао уже не слушал успокаивающие слова. Он внезапно протянул руку и с неожиданной силой схватил Фугуя за руку: "Откуда именно пришло это сообщение? Ладно —" Он отпустил руку и принял решение: "Приведи того, кто принёс весть, я сам расспрошу его."

Через некоторое время Фугуй привёл мужчину средних лет с деловым видом, одетого в простую хлопчатобумажную одежду, который быстро вошёл в кабинет. Едва тот начал приветствие, Ли Чжао жестом остановил его: "Не нужно церемоний. Расскажите всё, что вы видели и слышали, точно и чётко."

"Да, Ваше Высочество." Мужчина поклонился, говоря быстро и ясно: "Сегодня днём я случайно встретил одного из важных управляющих правого министра в аптеке Хуэйчунтан, где он лично покупал лекарства."

"Мне показалось это странным, потому что обычно у правого министра есть свой врач, а также хорошо укомплектованная аптечная кладовая. Если только не возникнет экстренная или серьёзная болезнь, или не потребуются особые травы, крайне редко такие управляющие выходят за покупками сами."

"Я попытался завязать разговор, чтобы узнать больше, но этот управляющий был очень осторожен, уклончиво ответил и быстро ушёл. Мне стало любопытно, и я сумел через бабушек, торгующих овощами у боковых ворот министерского дома, узнать, что господин дома внезапно заболел, и ситуация кажется серьёзной. Правый министр отдал строгий приказ закрыть ворота и не принимать никаких посетителей, чтобы не беспокоить выздоровление молодого господина."

"Насколько широко распространена эта новость?" — спросил Ли Чжао, его взгляд был спокоен, но давил невидимым грузом.

"Не очень." Мужчина уверенно ответил: "В доме Мина все держат язык за зубами, и охрана усилилась. Мне пришлось потрудиться, чтобы узнать эти новости. По моему мнению, правый министр явно не хочет, чтобы эта информация стала известна."

"Хорошо." Ли Чжао задумался на мгновение и махнул рукой: "Ты хорошо справился, можешь идти и получить награду."

После ухода человека комната снова погрузилась в тишину, но теперь в воздухе витало чувство надвигающейся бури. Ли Чжао медленно встал и подошёл к окну, свет и тени играли в его глазах.

"Подготовьте карету," — вдруг произнёс он, и в его голосе не было заметно волнения.

"Ваше Высочество, ехать сейчас в дом Мина? Боюсь..." — Фугуй был обеспокоен. "Может быть, стоит сначала пригласить императорского врача? Это будет более подходящим предложением."

Ли Чжао повернулся: "Иди в хранилище, возьми лучшие внутренние успокаивающие пилюли и наружные мази для рассасывания и восстановления кровообращения."

Фугуй удивился: "Ваше Высочество, зачем это?"

"Правый министр этим шагом, во-первых, проверяет отношение Императора, одновременно демонстрируя свою позицию и дистанцирование. Во-вторых," — уголки губ Ли Чжао изогнулись в лёгкой улыбке, — "он также проверяет меня."

"Как вы можете так думать, Ваше Высочество?" — Фугуй всё ещё был немного озадачен, но, увидев выражение лица Ли Чжао, поспешно сплюнул несколько раз: "Глупые слова раба! У Вашего Высочества и господина Мина, безусловно, благословённая судьба, они будут жить долго и счастливо!"

"Потому что слишком много совпадений." Ли Чжао объяснил: "Управляющий 'случайно' был замечен шпионами, покупающими лекарства, затем новости дошли до нашего дома. Каждый шаг кажется намеренным следом, но сделано это так аккуратно, что нас будто бы специально подталкивают к расследованию."

"Это не похоже на обычное поведение при внезапной болезни. Это больше похоже на... проверку, как я отреагирую."

Фугуй внезапно понял: "Так вот в чём дело! Тогда, Ваше Высочество, следует ли нам подготовить больше подарков, чтобы выразить заботу и соблюсти все формальности?"

Затем он снова забеспокоился: "А что же делать дальше? Перед вами — непредсказуемое отношение Императора, позади — давление правого министра. Как быть?"

Ли Чжао замолчал. После того как их сердца с Мин Чжэнем стали едины, он был готов столкнуться с такой ситуацией. Он ясно осознавал, что их чувства трудно принять в этом времени, но всё равно хотел попробовать.

Он не сказал этого вслух, только покачал головой: "Не говори таких мрачных слов. Всегда найдётся выход. Ни я, ни Мин Чжэнь не волнуемся, а ты уже переживаешь. Кроме того, действия правого министра говорят о том, что есть место для манёвра, и это хорошая новость."

Он посмотрел в сторону императорского дворца и продолжил, мысли были ясными: "Однако, этого врача не могу позвать я."

Фугуй был озадачен: "Вы имеете в виду...?"

"Пусть Император прикажет."

Ли Чжао поправил рукава, его глаза скрывали блеск, как меч в ножнах: "Эти действия правого министра предназначены для Императора и для меня. Если я с большой помпой отправлюсь с подарками и приглашу врача, правый министр может подумать, что я злоупотребляю своим положением."

"Только если Император проявит инициативу и окажет милость, это продемонстрирует заботу императорской семьи о своих подданных и успокоит опасения правого министра."

"А?" — Фугуй был полон сомнений: "Император согласится?"

"Да." Ли Чжао ответил без колебаний: "Ранее он обещал не преследовать Мина Чжэня. Кроме того, как бы Император ни относился к нашим отношениям с Мином Чжэнем, в любом случае, публично или частным образом, он обеспечит спокойствие правого министра."

Он направился к выходу, шаги были уверенными, без признаков паники. Независимо от того, является ли это предупреждением, отсечением или проверкой, он должен пойти. Не только чтобы своими глазами убедиться в безопасности Мина Чжэня, но и чтобы сказать этому правому министру — он не из тех, кто отступает перед трудностями.

Императорский дворец —

Цзюйдэ, главный евнух, почтительно доложил: "Ваше Величество, из дома принца Жуй прибыл посланник с просьбой вызвать императорского врача."

Император, отдохавший после обеда, только фыркнул: "Разве он не занят подготовкой к

южному путешествию? Что за проблемы у него в такое время?"

Хотя слова звучали привычно презрительно, при внимательном прослушивании можно было различить заботу, скрытую за авторитетом: "Если нужен врач, пусть вызывает. Разве такие мелочи должны доходить до меня? Неужели он хочет, чтобы я лично издал указ?"

Цзюйдэ с улыбкой ответил: "Ваше Величество прозорливо предвидит события. Принц на этот раз просит не для себя, а для господина Мина из дома правого министра."

Император поднял глаза: "Хватит ходить вокруг да около. Что он хочет?"

"Ваше Величество, принц сообщает, что молодой господин дома Мина внезапно заболел, ворота закрыты, и все посетители отклоняются. Принц обеспокоен и просит Ваше Величество назначить врача для осмотра, чтобы успокоить сердца." Цзюйдэ осторожно передал сложные мысли Ли Чжао.

"Острая болезнь?" В голосе Императора нельзя было различить веры или недоверия: "Правда заболел?"

Цзюйдэ немного замешкался, но честно ответил: "Старый слуга действительно слышал, что сегодня дом Мина закрыл ворота для посетителей."

"Хм." Император откинулся в драконьем кресле: "Никто не даёт мне покоя. Старый хитрец использует младшего сына, чтобы проверить моё мнение, а младший сын использует это, чтобы укрепить свои позиции. Все говорят о красавицах как источнике бед, но я вижу, что голубые красавцы не менее проблематичны."

Он задумался на мгновение, взгляд скользнул по гудам докладов на столе, казалось, проникая через многочисленные дворцовые стены и видя своего сына, который всё лучше учится использовать обстоятельства.

"Ладно." Император наконец заговорил, возвращая себе решительность правителя: "Поскольку он обратился ко мне, я удовлетворю его заботливое сердце. Отдать приказ: отправить надёжного врача из императорской клиники немедленно в дом правого министра для осмотра господина Мина. Также выбрать несколько тонизирующих трав из личной аптечки и отправить вместе с врачом."

"Да, старый слуга исполняет приказ." Цзюйдэ почтительно поклонился и собирался уйти для организации.

"Подожди." Император вдруг снова позвал его.

Цзюйдэ остановился и опустил голову в ожидании.

Император, казалось, просто добавил между делом, но его тон был наполнен неуловимым смыслом: "Я помню, есть какой-то чернильный камень в виде лотоса. Отправь его вместе в дом Мина."

"Да." Цзюйдэ понял намёк и снова подтвердил, затем бесшумно вышел из кабинета.

Дом Мина, главный зал.

Как и ожидалось, Ли Чжао учтиво пригласили в главный зал, где его встретил только непроницаемый правый министр.

"Старик поклоняется Вашему Высочеству." Правый министр держал почтительную позу, но сохранял дистанцию.

Ли Чжао сделал шаг вперёд, останавливая его: "Правый министр, встаньте, не нужно таких церемоний. Вы не только старейшина нашей династии, но и отец Мина Чжэня."

Он говорил мягко: "Я знаю Мина Чжэня много лет, и по всем меркам перед вами я всего лишь младший."

Правый министр выпрямился, взгляд опущен: "Ваше Высочество — правитель, а я — подданный. Три основных принципа и пять постоянных добродетелей я всегда помню."

Ли Чжао понимал, что это граница, установленная другой стороной, но всё же попытался воздействовать эмоциями: "Правый министр говорит правильно, нормы и этика — основа мира. Но помимо норм существуют и человеческие чувства. Правила холодны, а сердца горячи."

"Ваше Высочество, я человек консервативный, знаю только свои обязанности и следую древним традициям. Нормы созданы, чтобы люди знали, как действовать правильно, чтобы не совершать ошибок. Чувства иногда только затуманивают разум."

Видя его непоколебимость, Ли Чжао всё больше беспокоился о Мине Чжэне, понимая, что дальнейшие обходные пути бесполезны. Он глубоко вздохнул и убрал последние следы вежливости с лица: "Правый министр, не буду скрывать, я пришёл сегодня только для того, чтобы увидеть Мина Чжэня. Чтобы убедиться, что он в порядке, и сразу уйду."

Правый министр повторил те же слова, но теперь они звучали ещё холоднее: "Боюсь, что разочарую Ваше Высочество. Мой сын внезапно заболел тяжёлой болезнью, ему не следует принимать посетителей, особенно опасаясь заразить Ваше Высочество. Прошу Вас понять."

"Хорошо." Ли Чжао внезапно кивнул: "Я не хочу и не собираюсь больше ходить вокруг да около. Я понимаю ваши опасения. Я также не собираюсь здесь пустословить и давать множество неопределённых обещаний. Слова слишком пусты и бессильны."

Говоря это, он смотрел в глубокие, исследующие глаза правого министра и продолжил: "Я не буду говорить о том, как в будущем завоюю власть в государстве, как дам ему почести, как заткну рты всем сплетникам — потому что с возможностями Мина Чжэня он сможет достичь этого сам. Сегодня я принёс три вещи, которые представляют мои текущие обещания."

"Первое: вы можете быть спокойны относительно отношения Императора. Я уже запросил его, и врач скоро придёт."

"Второе: всё, что показано в небесной ширме, в этой жизни я никогда не позволю этому случиться, и никого из участников не оставлю безнаказанным. Отставка главы семьи Се и его уход в буддийский храм — это только начало."

Наконец, Ли Чжао достал предмет из-за пазухи — это не были драгоценные камни или золото, а простой по дизайну, тёмный железный жетон с выгравированным текстом помилования и императорским гербом. Он положил жетон на стол между ними.

"Третье: правый министр должен знать эту вещь. Если только не совершено преступление против государства, этот жетон может использоваться один раз. Я оставляю его здесь."

Зрачки старого министра Мина резко сузились: "Так значит, слухи были правдой."

"Да." Ли Чжао кивнул, упоминая происхождение этого предмета, и на его лице мелькнуло редкое смущение. Получение этого жетона не зависело от заслуг или благосклонности, а было результатом его первого выбора в годовалом возрасте.

После того как он осознал, что переродился, он продумал все возможные дворцовые интриги. Для своей безопасности каждый день задачей было держаться близко к отцу.

Этот жетон был изготовлен в начале династии как символ милости, всего их было пять. Один из них был конфискован во время дела о государственной измене незадолго до его первого дня рождения.

Он постоянно находился рядом с отцом, и никто не думал, что ребёнок что-то понимает. Он выбрал момент, приложил огромные усилия, чтобы смешаться с другими предметами на первом дне рождения и в итоге "естественно" выбрал его.

Правый министр смотрел на тяжёлый жетон, затем на молодого принца с чистым и открытым взглядом. Зал погрузился в тишину. За окном, казалось, послышались звуки прибывающей кареты и голоса — императорский врач прибыл.

"Ваше Высочество, вы действительно щедры."

"Нет ничего щедрого или нещедрого, это выгодная сделка. И этот предмет не означает ничего особенного, это просто гарантия, чтобы правый министр мог спокойно продолжать не поддерживать нас. Каким бы ни был конец моих отношений с Мином Чжэнем, это не затронет дом Мина."

<http://bllate.org/book/17167/1608893>